

2014 г. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1700-18>.

3. Онлайн дом юстиции. URL: <https://online.minjust.gov.ua>.

4. Правительство одобрило Концепцию развития электронного правительства в Украине до 2020 г.: материалы из сайта Правительственного портала от 20 сентября 2017 г. URL: http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=250283206&cat_id=244274160.

5. Портал государственных услуг. URL: <https://igov.org.ua/>

6. Вступительная кампания 2017 г. URL: <http://www.vstup.info>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковалёв Ярослав Сергеевич – студент магистратуры юридического факультета Сумского национального аграрного университета

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kovalev Yaroslav Sergeyevich – Master's Student of Law Faculty of Sumy National Agrarian University

kovalovchik@gmail.com

УДК 340.12

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА

Игорь КОВАЛЬ,

кандидат юридических наук,
ассистент кафедры теории и философии права Института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

АННОТАЦИЯ

Правовой менталитет является скрытым от непосредственного восприятия и проявляется в правовых явлениях. Этот внутренний аспект сущности имеет отношение к душе и духу, поскольку подчеркивает индивидуальность человека, его личность. Такое положение человека является интеллигибельно постигнутым и наиболее полно раскрывается в метаантропологии.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, правовой менталитет, правовое мировоззрение, интеллигибельный, сенсительный, трансцендентальный менталитет.

TRANSCENDENTAL COMPREHENSION OF THE LEGAL MENTALITY

Igor KOVAL,

Candidate of Juridical Sciences,
Assistant at the Department of Theory and Philosophy of Law
of Institute of Jurisprudence and Psychology of the Lviv Polytechnic National University

SUMMARY

The legal mentality is hidden from direct perception and is revealed in legal phenomena. This inner aspect of the essence has to do with the soul and spirit, because it emphasizes the individuality of a person, his personality. Such a person's position is intelligently apprehended and is most fully revealed in metaanthropology.

Key words: mentality, legal mentality, legal outlook, intelligent, sensible, transcendental mentality.

REZUMAT

Mentalitatea legală este ascunsă de percepția directă și este dezvăluită în fenomene juridice. Acest aspect interior al esenței are de a face cu sufletul și cu spiritul, deoarece subliniază individualitatea unei persoane, a personalității sale. Această poziție a omului este înțeleasă inteligent și este descoperită cel mai bine în meta-anthropologie.

Cuvinte cheie: mentalitate, mentalitate, mentalitate juridică, perspectivă juridică, mentalitate inteligentă, sensibilă, transcendentă.

Постановка проблемы. На обычном уровне сущность правового менталитета заключается в том, что наличие сущности определенного компонента менталитета способствует сущности других нецентральных признаков. То есть все действия обычного имеют свое интеллигибельное объяснение, что следует из внутренних связей. Внутренние связи обеспечивает правовой менталитет, поэтому эти связи имеют свои особенности, отличающие одного человека от другого, одну нацию от другой и тому подобное. Фактически эти скрытые ментальные связи

определяют обычный интеллигибельный уровень человека и развивают его в определенном направлении, которое желательно постоянно направлять в онтологическую сторону.

Состояние исследования. Среди ученых, которые занимались данной проблематикой, можно выделить труды Д. Андреева, Р. Байниязова, О. Балинской, В. Вовк, О. Гришук, Е. Копельцев-Левичкой, М. Козюбры, А. Колодий, Ю. Лободы, С. Максимова, Д. Меняйлова, А. Мордовцева, Ю. Оборогова, А. Омельчука, А. Романовой, П. Рабиновича, С. Сливки.

Целью и задачей статьи является философско-правовое исследование правового менталитета.

Изложение основного материала. Обычный уровень правовой ментальности человека имеет свои особенности, феномены, которые неоднозначно трактуются и самим человеком, и другими людьми. По нашему мнению, в правовом менталитете человека есть элементы поведения, которые трудно объяснить, потому что они являются удивительными (подобно удивительного аттрактора в синергетике). Этот странный ментальный элемент является сложным образованием, который содержит еще более мелкие частицы – ингредиенты: биологические, психологические, нравственные, религиозные и тому подобное. Поэтому всестороннее познание на обыденном уровне удивительного ментального элемента требует энциклопедических знаний практически всех наук, что, впрочем, также не гарантирует успеха.

Долгое время изучение правосознания в науке сводилось к формальному выделению ее структурных уровней, схематическому обозначению элементов ее содержания и тому подобное. Признавалось, что детерминирует и играет определяющую роль в правосознании именно правовая идеология. Правовая психология трактовалась при этом в основном как то, что не имеет существенного значения, требующего активного воздействия и воспитания как низкий уровень [16, с. 12].

По нашему мнению, при указанных обстоятельствах ни один уровень нельзя трактовать как «ниже или выше», ведь именно совокупность, интеграционная единство всех элементов системы или явления позволяет составить четкое завершено понимание изучаемого явления, процессов.

Из содержания правовой психологии отвергались те проявления реального правосознания людей, которые «не вписывались» в парадигмы официальной правовой политики, политической социологии и идеологии и могли формировать ментальность в другом векторном направлении. Вне поля зрения правоведения, социальной философии и политической социологии оказалась сфера проявлений правовой психологии, которая, в отличие от идеологизированных установок государ-

ства, действительно регулирует и определяет повседневное поведение людей в сфере права [15, с. 61].

Учитывая указанное, было бы интересно проследить взаимосвязь таких структурных элементов человеческой психики как сознательное и бессознательное в процессе воздействия именно правового менталитета на формирование правомерного поведения.

Можно предположить, что в механизме формирования правомерного поведения лица участвуют бессознательные элементы психики, хотя правосознание принадлежит только к сознательной сфере человеческой психики. Особенно это участие заметно в некоторых нестандартных для индивида ситуациях, например, аффект, а также всегда, когда индивид руководствуется не столько разумом, сознанием, сколько интуицией [12, с. 151].

Можно сделать вывод, что такое участие в указанном механизме приводит к формированию в правовом сознании таких образований, которые имеют признаки и правосознания, и бессознательного, и является «переходным» элементами.

Заметим, что странный ментальный элемент не постигается ни интеллигентно, ни сенсительно. Он присущ конкретному человеку, не распространяется на других. Поэтому человека (в лучшем случае) называют чудачком. Изменить эту ментальную странность невозможно, как и предвидеть последствие поведения. Этот элемент является скрытым и проявляется с разной силой и частотой. Возможно, странный ментальный элемент включает в себя таинственные, скрытые и не развитые творческие качества человека.

Правовые явления содержат и предельную сущность менталитета, которая выражается внешне. Задача состоит в том, чтобы в правовом явлении понять предельный уровень менталитета. Постигание нужно осуществить интеллигентными или сенсительным способом (или и тем, и тем). Прибегая к интеллигентному способу, необходимо сосредоточить внимание на умения пользоваться умом, интеллектом на предельном уровне.

Предпосылками методического мышления является, по нашему мнению, внимательное направление сформированного интеллекта на такую

засадиическую способность ума, как познание онтологичности и естественности. Используя методы доказательности, открытие, человек культивирует свою пронциательность в сфере ментального ума. Только духовно настроенная интеллигентно-познавательная сила позволяет выйти за пределы обыденности и познать те ментальные структуры, которые в действительности существуют.

Конечно, у каждого человека есть своя потенциальная способность, своя природная одаренность в сфере интеллекта, поэтому интеллигентный способ озарения менталитета будет разным. Целесообразно обратиться к сенсительному способу, который содержится, в частности, в интуиции. При онтологически природных началах интеллекта интуиция может отражать в основном правдивые показания ментальных структур. Интуиция, чувства в предельном действуют после умственного озарения или в тех случаях, когда ума выполнить это не под силу.

В контексте вышесказанного заметим, что, признав нравственный закон как важнейший мотив, заставляющий человека к выполнению им своего долга, Кант утверждает, что человек никогда не может потерять уважения к нравственному закону. В то же время поддержание нравственности в человеке философ считает главной задачей общества.

Средством, которое способно повлиять на изменение качественного состояния нравов, Кант считает нравственное воспитание. Влияние на обычаи, по мнению ученого, должно начинаться не с их исправления, а с изменения образа мыслей, по утверждению характера человека. В то же время очень важно, отмечает Кант, учить детей соотносить поступок с долгом, но так, чтобы максима самолюбия не влияла на максиму поступка. Для этого, продолжает мыслитель, полезным будет анализ поступков разных людей, который должен осуществляться с позиции нравственной их ценности. Подобные упражнения, делает вывод философ, должны перейти в образ мышления и способствовать выработке решений, которые человек принимает на основе долга [6, с. 52].

Важным компонентом нравственного воспитания, его обязательным

звеном Кант считает человеческую душу. Очень важно влиять на нее так, чтобы она пробуждалась, наполнялась чувством возвышенности, уважения к долгу, который выполняется. Необходимо, чтобы душа участвовала в пробуждении нравственного образа мыслей. Тогда последние (мысли) будут участвовать в противодействии извращенности мотивов в максимах, вызывать «уважение к закону как к высшей условия всех принимаемых максим» [9, с. 154].

По нашему мнению, мировоззренчески-правовая концепция И. Канта в значительной степени благодаря наличию в ней внешнего регулятора оказывается идейно близкой по своему содержанию к идеалистическим теориям права.

Нравственный закон – это дело божественной Мудрости. Он указывает человеку те дороги, те нормы поведения, которые ведут к обещанному блаженству, и запрещает идти путями, которые отдаляют от Бога.

Из-за греха не все и не всегда могут почувствовать этот закон одинаково выразительно и непосредственно. Поэтому Бог «записал на скрижалях Закона то, чего люди не читали в своих сердцах» (св. Августин).

Природный закон, который был нанесен Творцом в сердце каждого человека, означает, что человек также участвует в мудрости и доброте Бога. Этот закон выражает первичное нравственное чутье, которое позволяет человеку собственным умом распознавать добро и зло. Природный закон, универсальный и неизменный, составляет фундамент всех основополагающих прав и обязанностей человека, а также человеческого сообщества и самого государственного законодательства. Если бы в сердце человека не был вписан этот закон, который заставляет ее различать между злом и добром, то каждый придерживался бы собственной морали и не было бы вообще никаких законов. Например, человек мог бы тогда придерживаться своего убеждения, что убивать невинного человека – это не плохо и даже похвально. Однако права убивать человека никогда не было и не будет. Это утверждение вовсе не означает насаждения католической веры, оно является лишь напоминанием о том, что с самого начала уже вписано

в сердце человека, и вписано для того, чтобы человек был счастлив, потому что добро всегда ведет к благу человека. И даже если какое-то общество решает большинством голосов принять закон о том, что убивать детей, например, в материнской утробе, допустимо, – это не значит, что это преступление вдруг превращается в доброе дело. Он останется ужасным преступлением. Называть тот или иной поступок добрым или злым – это не сфера компетенции ни парламента, ни какого угодно другого органа, который не может никаким декретом превратить зло в добро. Легализованное убийство всегда останется убийством, искажение – извращением, даже если его назвать другим словом.

Свобода – это драгоценный дар, свойственный человеку. Но человек не может быть свободным делать зло, потому что другой человек также свободен и никто не имеет права причинять ему зло. Человек не обладает свободой убивать, воровать, мучить других людей, наносить другим материального ущерба. Чтобы согласиться с этим, не нужно быть верующим. Человек имеет свободу для творческого и ответственного вершения добра, а не зла. Злые поступки – это злоупотребление свободой, поэтому общество наказывает за преступления. Выступая против легализации зла, Церковь не насаждает нравственный закон обществу. Законы в Церкви существуют только для последователей этой Церкви. Неверующие не обязаны вести себя как верующие, и цель проповеди Церкви даже по тем или иным общественным вопросам – вовсе не заставить других выполнять ее заповеди. Своим учительством она никогда не имела целью изменить гражданские законы так, чтобы неверующие поступали как верующие. Социальное учение Церкви побуждает скорее изменить законы так, чтобы человек оставался человеком, чтобы он был свободным и мог пользоваться всеми своими естественными правами, чтобы не отрицалось право каждого человека на жизнь и достоинство, соответствующее его человеческой сущности, чтобы зло не пренебрегало его свободой и не препятствовало ему реализовать свой потенциал.

Наличие у индивида свободной воли, что отражает предписания катехорического императива, способствует

покорению влечений и мотивов индивида ранее осознанным представлениям разума. В итоге взаимодействия указанных компонентов наступает осознание человеком того, что является для него обязанностью. Знание долга, вера в его реализацию делают индивида, по мнению современных кантознавцев, «правоспособным потребителем права, а в дальнейшем и защитником правовой законности вне зависимости от соображений выгоды» [5, с. 207].

Если мировоззрение – это духовно-практический способ общественного самосознания и самоопределения человека в мире, который всегда реализуется в конкретном мироотношения, то мировоззренческая культура – это понятие, отражающее определенную градацию уровней развитости мировоззренческого сознания, сосуществования и тех ее образцов, которые отвечают требованиям общества, и менее приемлемых ее вариантов. В научной литературе это понятие стали употреблять в последнее десятилетие наряду с такими словосочетаниями, как политическая культура, нравственная культура, культура производства, культура обслуживания и т.д. [4, с. 318].

Нетрудно заметить, что подобные понятия носят оценочный характер и служат в естественном языке для обозначения особого – желаемого качества того или иного вида человеческой деятельности. Понятно, что они имеют смысл только в том случае, если в реальности вместе с подобными «культурными» формами есть и «некультурные», такие, которые не соответствуют идеальным представлениям, формы этой активности. Все это в полной мере касается и понятия мировоззренческой культуры личности юриста, которое используется при необходимости показать наличие в такой личности мировоззрения особого качества, высшего по сравнению с уровнем развития мировоззрения других членов общества. Под качеством мировоззрения личности понимаем такую сущностную его определенность, благодаря которой все характерные для него функции (регулятивная, ориентационная, отражающе-информационная, интеграционная, оценочная и прежде всего сущностные функции самоопределения и духовно-практического преобразования мира) слагаются

в определенное единство, что позволяет соотнести его с общественно одобряемыми или неодобряемыми типами и уровнями мировоззрения. При ближайшем рассмотрении под мировоззренческой культурой подразумевается мировоззрение как самосознание личности, которое активно стремится осмыслить свое бытие в мире как некое целостное единство (в таком смысле, кстати, впервые использовал понятие мировоззрения Ф. Шлеермахер в конце XVIII в.) [10, с. 48]. Такое мировоззрение противопоставляется нерелексивному, неконцептуализованному, его пассивным формам.

Качество, необходимое для того, чтобы охарактеризовать мировоззрение личности как «культурное» (то есть настолько развитое, что может служить идеальным образцом), определяется господствующей в конкретном обществе идеологией (как специфической концептуальной форме решения мировоззренческих проблем), точнее, теми социальными институтами, которые занимаются разработкой мировоззренческих вопросов и направляют идеологические процессы. Определение мировоззренческих приоритетов (огромную роль в этой деятельности играет философия) настолько ответственное, что любые, даже незначительные ошибки в этой сфере могут вызвать непредсказуемые практические, непосредственно жизненные последствия. Примером может быть террористическая политика сталинского режима, направленная против советского народа, «идейным» обоснованием которой стало сталинское искривление марксистского мировоззрения. Последствия «практического внедрения» этих произвольных идеологических конструктов ощущаются в нашем обществе до сих пор [7].

Пограничный уровень правового менталитета понять довольно сложно. Дело в том, что, как отмечает Н. Хамитов, познание, как правило, осуществляется через объективации – разделение мира на части, объекты, поскольку познать бытие в целом невозможно. Однако истинное познание никогда не заикливаются на отдельных объектах как абстракциях бытия вне их связи [22, с. 277–278].

Разделить правовой менталитет на части, проанализировать каждую из них и объединить в одно целое требует

достаточно высокого уровня творчества на внеграницном уровне.

Внеграницный уровень правовой ментальности постичь сразу интеллигентным способом практически невозможно. Человек должен войти в сенсительное измерение и тогда пытаться понять сущность менталитета в явлении. При этом достигнутом содержании правового менталитета будет больше заслугой сенсительности, чем интеллигентности. Примером такой ситуации может служить экзистенциальное состояние верующего.

В частности, даже находясь в одной вере, одной конфессии, человек не может понять другого, а только почувствовать. Однако этого мало. Нужно из духовного состояния человека выделить отдельные ментальные элементы или даже мелкие его части – ингредиенты. Такие сведения являются глубоко внутренними и узнать их можно по внешним проявлениям, реакцией на ту или иную информацию, эмоциями и т.д. Для этого нужны основательные наблюдения.

При помощи этнопсихологического анализа можно охарактеризовать правовой менталитет народа, который в основном проявляется в обычном праве, правовых традициях, коллективных представлениях, интуитивном праве, и проследить его можно не только и не столько по памятникам права, историческим событиям, сколько по народному эпосу, что, по высказываниям Л. Петражицкого, является «особой сферой источников права» [14, с. 426]. Именно в них можно найти и увидеть интуитивное право, ментальность нации, а также отношение народа к праву и государству, различным правовым институтам и политической власти.

Отметим, что эмоционально-психологическую составляющую юридической антропологии интересуют наличие правового чувства и правовые стереотипы, что является проявлением сенсительного постижения антропологии правового менталитета.

Правовое чувство целесообразно трактовать как неосознаваемые эмоционально-психологические установки, определяющие отношение в обществе к правовой реальности, а стереотип правового поведения – это эмоционально-психологические привычки

юридически значимого поведения, основы самой структуры действия [13, с. 35]. Основой стереотипов поведения выступают установки, сформированные в развитии в индивидуальной психике общественно-правового взаимодействия [11, с. 51].

Для интеллигентного и сенсительного постижения метаантропологии правового менталитета, а также ценностной структуры правовой жизни, правовой культуры и правосознания необходимо привлекать методы семиотики.

Право является частью символического универсума этноса, закреплённой в культурно-семиотическом, знаковом пространстве, что как формирует сценарий поведения человека, так и осуществляет его толкования или интерпретацию через смысловую конструирование ряда юридически значимых категорий и понятий, символов. Правовой символизм транслирует определённую интенционную направленность, смысловую перспективу, являясь тем самым базисной опорой правового мировоззрения, юридической организации жизненного пространства и политико-правового взаимодействия социальных субъектов [2, с. 75].

Семиотический и символический методы познания тесно связаны с этнопсихологической категорией «правовой архетип». В процессе своего развития этнопсихологическое направление в антропологии несколько разменяло название, сохраняя при этом концептуальную преемственность.

Первым этнопсихологический подход в антропологии начал разрабатывать Франц Боас, который исходил из предпосылки: каждая культура имеет собственный уникальный путь развития [3, с. 510].

Для исследования задекларированной проблематики важно акцентировать внимание на этнопсихологических аспектах научного поиска.

Понятие «психологический склад нации» является достаточно сложным для операционного определения. Поэтому в этнопсихологии осуществлена не одна попытка найти такие эквиваленты к этому понятию, которые были бы наиболее приемлемыми для их использования в эмпирических исследованиях. Как синоним понятия «психологический склад нации» упо-

требуется понятие «национальный характер», «национальное самосознание» или просто «национальная психология». Однако введение большого количества таких понятий не решает проблемы и только вносит терминологические разногласия, которых нельзя допустить.

Поэтому важной задачей современной этнопсихологии является выяснение сущности и содержания ее основных феноменов и построение их структуры на этих принципах. Изучение структуры этнопсихологических понятий происходит в русле двух направлений. Представители первого направления относят к этой структуре компоненты, относящиеся к общей и социальной психологии (характер, темперамент, чувства, воля и т.д.). Изучение определенных общих и особых качеств национальной психологии, национального характера, которые являются составляющими содержания и формы проявлений этнопсихологических феноменов, имеющих отношение к второму направлению. Оба направления заслуживают особого внимания.

Выводы. Итак, интеллигибельные и сенсительные постижения метаантропологии правового менталитета является трансцендентальным. Только с помощью трансцендентального мышления можно узнать настоящую карту ментальных структур, понять видимые влияния одного менталитета на другой, дать реальную оценку поведения человека, выделив при этом ментальные причины.

Список использованной литературы:

1. Балагутрак М.П. Генеза этнопсихології в Україні XIX століття: історико-етнологічний аспект. Львів: Ін-т народозн. НАН України, 2007. 224 с.
2. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 2002. 438 с.
3. Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии / пер. Ю.С. Терентьева. Антология исследований культуры. Санкт-Петербург: Универс. кн., 1997. Т. 1. С. 509–518.
4. Быстрицкий Е.К. Познание и миропонимание. Мироззренческое содержание категорий и законов материалистической диалектики. Киев, 1981. С. 317–336.
5. Виндельбанд В. Избранное: дух и история, без регистрации. Москва: Юристъ, 1995. 688 с.
6. Винославська О.В. Психологія: навч. посіб. Київ: ІНКІОС, 2005. 352 с.
7. Вопросы формирования личности: сб. ст. / отв. ред. А.Б. Базаров. Самарканд, 1977. 90 с.
8. Європейський словник філософій: лексикон неперекладностей: пер. з фр. Т. 2. Київ: Дух і літера, 2011. 488 с.
9. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / авт. предисл. Ю.В. Петров. Санкт-Петербург: Наука, 1999. 472 с.
10. Мордовцев А.Ю., Горьковенко Ю.А. Правовая система в ментальном измерении: постановка проблемы. Северо-Кавказский юридический вестник. 2002. № 2. С. 47–64.
11. Оборотов Ю.Н. Традиции и обновление в правовой сфере: вопросы теории (от познания к постижению права): монография. Одесса: Юрид.-ра, 2002. 280 с.
12. Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. Москва: Наука, 1969. 174 с.
13. Петелин Б.Я. Направленность личности и мотивы преступного поведения / отв. ред. И.И. Мацкевич. Москва, 1973. 54 с.
14. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1910. Т. 2. 758 с.
15. Скомпска Г. Типология отношений к праву. Краков, 1975. С. 60–68.
16. Смирнов А.Р. Правосознание в механизме правомерного поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва: РГБ, 2005. 18 с.
17. Философская антропология: словарь / под ред. Н. Хамитова. Киев: КНТ, 2011. 472 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коваль Игорь Мирославович – кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории и философии права Института права и психологии Национального университета «Львовская политехника»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Koval Igor Miroslavovich – Candidate of Juridical Sciences, Assistant at the Department of Theory and Philosophy of Law of Institute of Jurisprudence and Psychology of the Lviv Polytechnic National University